

Публикации

И. М. ЧЕЧЕНОВ

ГРОБНИЦА ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ В г. НАЛЬЧИКЕ

После исследования Агубековской неолитической стоянки, Нальчикского энеолитического могильника, Долинского поселения и нескольких курганов эпохи бронзы¹ окрестности г. Нальчика в археологическом отношении продолжают быть одним из интересных районов Центрального Кавказа. В 1968 г. здесь открыт еще один памятник — уникальная подкурганная гробница, сооруженная по всем признакам для вождя племени или рода.

Стоявший на юго-западной окраине Нальчика сильно оплывший курган периодически разрушался при строительно-земляных работах. К моменту нашего исследования его очертания имели в плане овальную форму. Вершина его представляла собой плоскую площадку диаметром 16—18 м, выровненную для тригонометрической вышки. Современные размеры кургана были: продольный диаметр (по оси СВ — ЮЗ) 103 м, поперечный диаметр 55, высота с восточной стороны около 10, с западной — 8 м (рис. 1)².

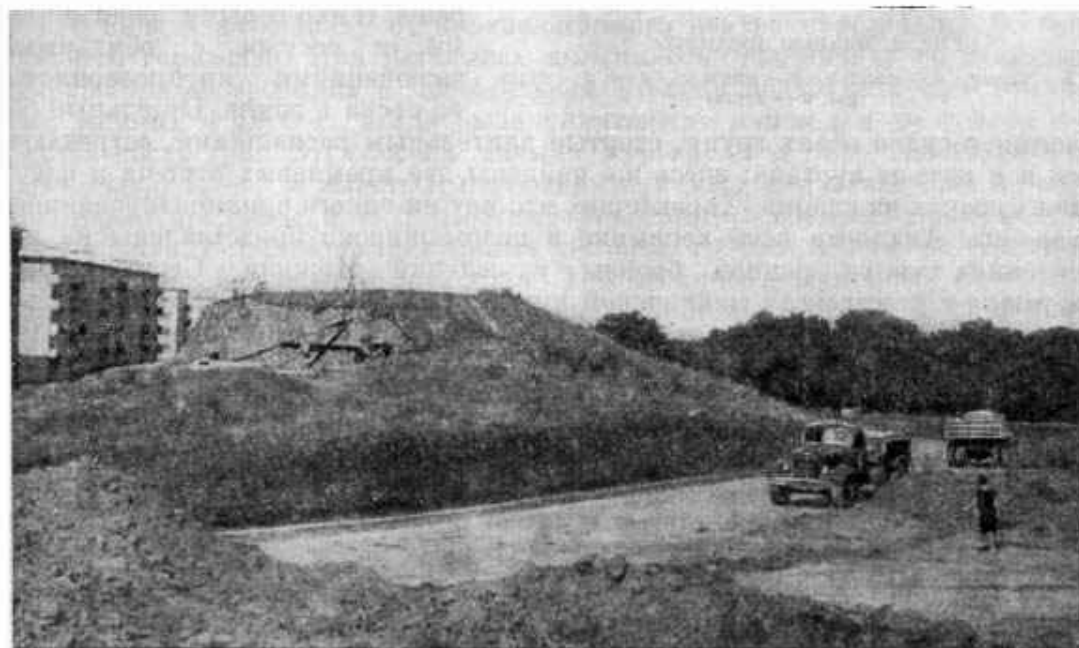

Рис. 1. Вид кургана с юга

В 1966 г. западная часть кургана была снесена для постройки дворца культуры. При этом среди десятка крупных обломков туфовых плит, вывороченных экскаватором, были обнаружены верхняя часть массивной

¹ Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941.

² Ряд признаков указывает на то, что в неразрушенном виде курган имел округлую форму диаметром не менее 100 м и высотой до 11—12 м.

антропоморфной стелы из туфа³, обломки большого красноглиняного сосуда с пачкающей поверхностью и котел из ковanej листовой меди (рис. 2, 1)⁴. Последний является самым крупным из числа известных котлов майкопской культуры; на тулове его сохранились остатки тонкой льняной ткани, которой он был обернут в несколько слоев, а на дне — четкие отпечатки и остатки искусно плетеной циновки из какого-то волокнистого растения. На всех этих находках и вблизи них отмечено большое

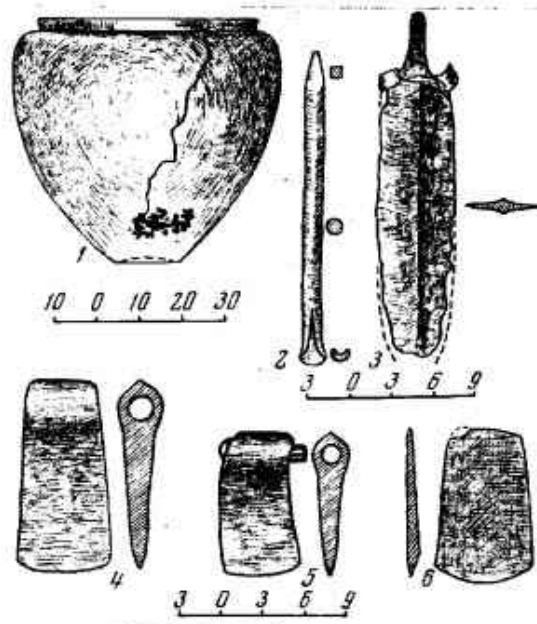

Рис. 2. Медные предметы

1 — котел, 2 — долото, 3 — кинжал, 4 и 5 — топоры, 6 — тесло

количество ярко-красной краски. Помимо этого, в обнаженной части насыпи были собраны фрагменты сосудов, которые можно распределить на две группы: а) подавляющую часть составляют обломки высококачественных сосудов красного цвета, изготовленных из хорошо отмученной и очищенной глины без всяких примесей (черепок в изломе светло-серый). В этой группе посуды в свою очередь различаются два вида сосудов, от которых найдены толстостенные черепки с пачкающей или лощеной поверхностью и обломки тонкостенных сосудов, изредка со светло-охристым и черным лощением; б) вторая группа представлена светло-коричневыми и реже темно-серыми фрагментами от сосудов с обильными включениями крупнозернистого песка в глине. Отдельные обломки сосудов обеих групп, стертые длительным распахиванием, встречаются и к югу от кургана; здесь же найдены два кремневых отщепа и фрагмент сосуда из сланца. Характерно, что нет ни одного орнаментированного черепка. Аналогии всей керамике в целом широко представлены на поселениях эпохи ранней бронзы у селений Мужичи, Сержень-Юрт, а также в комплексах майкопской культуры в курганах у селений Новый Аршти, Бамут, Бачи-юрт и ст. Мекенской (Чечено-Ингушетия)⁵; в гроте Шау-Легет (Северная Осетия)⁶; на Урухском и Долинском поселениях, в курганах у селений Старый Урух, Старый Лескен и у хутора Соломенка (Кабардино-Балкария)⁷; в курганах у станиц Усть-Джегутинская, Костромская, Тбилисская, на поселениях Мешоко, Хаджох (При-

³ А. М. Лесков ошибочно считает эту стелу происходящей из района г. Майкопа; А. М. Лесков. Керченская экспедиция в 1967 г. «Археологические исследования на Украине в 1967 г.», Киев, 1968, стр. 8.

⁴ Основные сведения об этих находках опубликованы; Р. М. Мунчаев, И. М. Чеченов. Находка медного котла майкопской культуры в г. Нальчике. КСИА АН СССР, 115, 1969, стр. 54—57.

⁵ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 101—104, табл. IV, 2, XII, его же. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, 3, стр. 180—181 п 191—196, рис. 13; В. М. Марков и И. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, 93, 1963, стр. 63, рис. 23, 2; Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у ст. Мекенской, сб. «Древности Чечено-Ингушетии», М., 1963, стр. 40, рис. 6, 9.

⁶ В. П. Любим. Неолитический комплекс из грота Шау-Легет. КСИА АН СССР, 108, 1966, стр. 51.

⁷ Л. Г. Нечаева, И. М. Мизиев. Поселение раннебронзового века на р. Урух. АО, 1968, М., 1969, стр. 104; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское по-

Рис. 3. Общий вид гробницы с северо-востока

кубанье)⁸ и др. За пределами Северного Кавказа образцы подобной керамики известны в Закавказье (пещера Сагварджиле)⁹ и на юге Украины (курганы у Одессы¹⁰ и у сел Михайловка и Грушевка¹¹). Очевидно, вблизи от описываемого кургана располагалось поселение второй половины III тысячелетия до н. э., уничтоженное при интенсивных строительных работах.

Гробница, заключавшаяся под насыпью кургана, полностью раскопана нами в 1968 г. Она была сооружена из массивных туфовых плит¹², в 15—17 м к юго-западу от предполагаемого центра кургана, на уровне древнего горизонта. При раскопках выяснилось, что наряду со старыми разрушениями гробница в значительной степени пострадала при земляных работах в 1966 г., когда была уничтожена почти вся ее северо-западная часть (рис. 3), снесена насыпь кургана над ней (достигавшая здесь около 2,5—3 м высоты), передвинуты с мест или извлечены из нее некоторые предметы и т. д. Поэтому некоторые особенности погребального обряда и ряд конструктивных деталей гробницы нам не удалось установить с необходимой точностью. Тем не менее полученный материал представляет необычайный интерес и позволяет отнести гробницу к числу выдающихся памятников Северного Кавказа.

Несомненно, что плиты, образующие гробницу, представляют собой вторично использованные монументальные стелы, первоначально связанные у г. Нальчика. МИА, 3, стр. 185—190 и 197, табл. VIII—XI; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 56—66, рис. 12.

⁸ Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике. СА, 1966, 3, стр. 147—148; ОАК за 1897 г., стр. 16, рис. 54—57; ОАК за 1900 г., стр. 42; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 75—76, 78—80.

⁹ А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 134.

¹⁰ А. В. Добровольский. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка-Романовка. ЗОО ИД, XXXII, 1915, стр. 134, табл. II, 1, 2.

¹¹ Д. Э. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии. Тр. XIII АС, т. 1, М., 1907, стр. 141—142; Д. У. Блэфельд. Курган эпохи бронзы в с. Грушевка. АП, X, Київ, 1961, стр. 47, табл. 1, 1.

¹² Большие запасы такого же серого и розового вулканического туфа, довольно плотного и тяжелого, но относительно легко поддающегося обработке, имеются в 4—5 км к западу от кургана. Из этого же материала, в частности, изготовлено несколько терочников и другие предметы, найденные на Агубековском и Долинском поселениях и в Нальчикском могильнике: Материалы по археологии Кабардино-Балкарии, стр. 60—61, 112, 183; М. И. Ермоленко. Редкая археологическая находка в Кабардино-Балкарской автономной области. Нальчик, 1929, стр. 2 (краткая заметка).

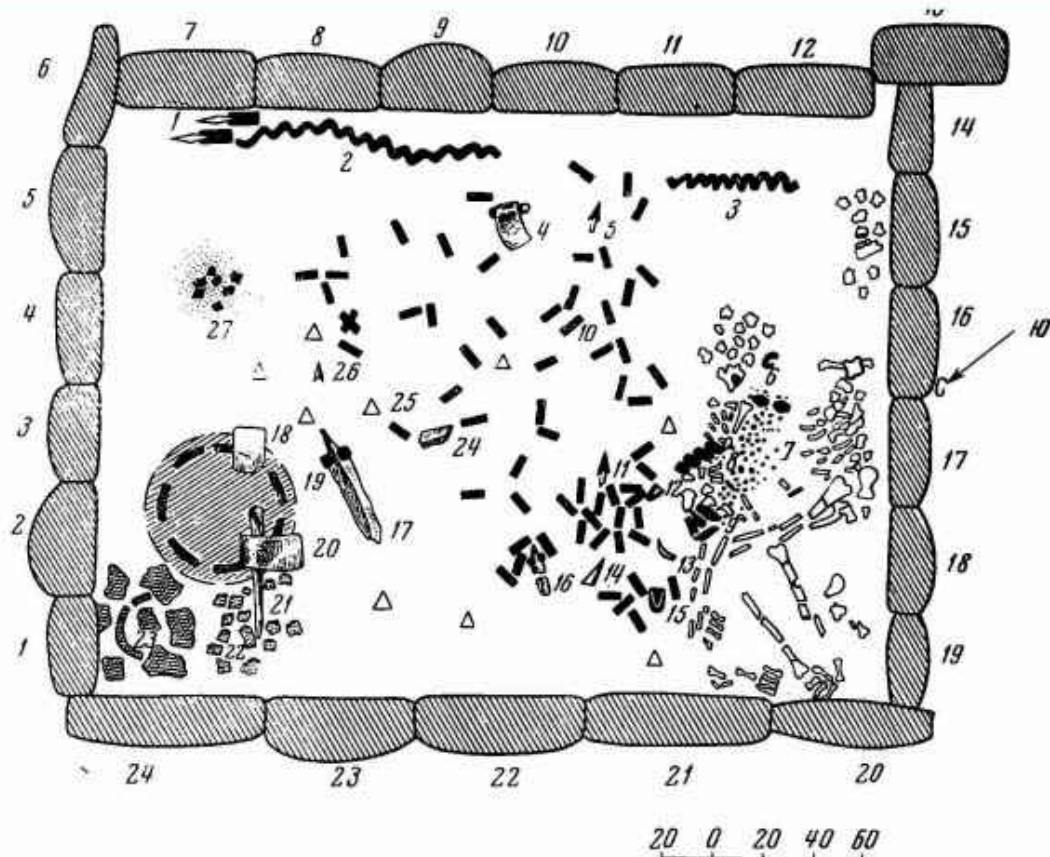

Рис. 4. План гробницы

1 — шилья; 2, 3, 8 — ленты, свернутые в спираль; 4, 20 — топоры; 5, 11 — стрелы с золотыми наконечниками; 6 — височные кольца; 7 — бусы; 9 и 10 — пластины; 12 — конусовидный наконечник; 13 — клык кабана; 14 — проколка; 15 — пластинчатая обкладка ножен; 16 — двулезвийный ножик; 17 — кинжал; 18 — тесло; 19 — предполагаемое местонахождение котла; 21 — долото; 22 — фрагменты мяски; 23 — фрагменты красноглиняного сосуда; 24 — обломок точила; 25 — кремневые предметы; 26 — обсидиановый наконечник стрелы; 27 — угли и зола
(2—3, 6—12, 15 — золото; 1, 4, 17—22 — медь; 5, 11, 14 — кость)

Рис. 5. Юго-восточная стена гробницы

ные с памятником совершенно иной конструкции. По всей вероятности, стелы вертикально стояли по отдельности на грунтовых могилах или на курганах (?). Правомерность такого предположения прежде всего аргументируется характером обработки плит и конструктивными особенностями гробницы.

Стены гробницы составляли 24 вертикально установленные плиты, которые ограждали прямоугольник, ориентированный с северо-востока на юго-запад (рис. 4—6). Сверху гробница была перекрыта шестью такими же плитами¹³. Площадь гробницы 313 × 234 см, высота камеры 105—110 см. Обращают внимание значительные различия в размерах плит, образующих стены: длина их варьирует от 165 до 227 см, ширина — от 36 до 75, толщина — от 15 до 31 см. Верхние края всех плит стен «срезаны» ровно, под прямым углом; возможно, это результат дополнительной (вторичной) обработки стел при сооружении гробницы. Основания более коротких плит стен совпадают с уровнем материка, а плиты большей длины углублены в материковый грунт с таким расчетом (иногда до 50 см), что их верхние части находятся почти на одном уровне. Для закрепления плит в вертикальном положении гробница со всех сторон была обложена крупным речным булыжником в два-три слоя, а внутри на 60—65 см заполнена утрамбованной темно-серой глиной. Все стены и потолок гробницы обильно окрашены красной краской, пол выложен мелким галечником в один-два слоя. Скопления такого же галечника прослежены и вокруг гробницы, почти на уровне верхнего уровня стен. Особенно много гальки обнаружено вдоль юго-восточной стены, где мощность слоя достигала 20—25 см при ширине до 170 см. На этой площадке из гальки и лежали обломившиеся концы перекрывающих плит, выступавшие за юго-восточную стену.

Рис. 7. Обломки перекрывающих гробницу плит; вид с юго-запада

ватором в 1966 г., а выступавшие за северо-западную стену концы их, как и верхние части плит этой же стены, были тогда же вывезены и утеряны,

¹³ Плиты стен, начиная от северной угловой плиты, в юго-восточном направлении и далее, обозначены арабскими цифрами (1—24), а перекрывающие плиты с северо-востока на юго-запад — римскими цифрами (I—VI).

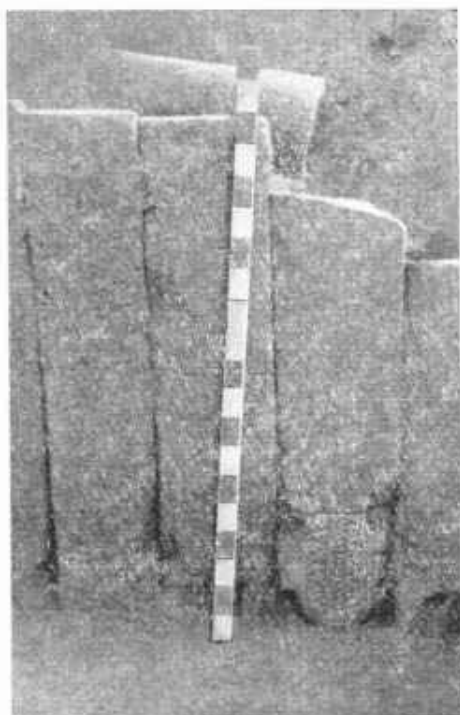

Рис. 6. Часть юго-западной стены гробницы с перевернутой антропоморфной стелой № 4 (плита № 18)

Перекрывающие плиты, судя по характеру излома, переломились в двух-трех местах (по середине и у опирающихся на стену участков) еще в древности (рис. 7). Кроме того, они значительно повреждены экска-

из-за чего теперь трудно получить полное представление о плитах кровли. Но по сохранившимся обломкам можно определить, что при ширине 50—70 см и толщине 20—33 см длина плит перекрытия достигала от 350—360 см до 400 см, т. е. превышала ширину гробницы. Перекрытие было плоским¹⁴.

Одна из плит лежала торцом с внешней стороны юго-западной стены на булыжной забутовке, выступая над верхним уровнем стены на 20—25 см. По-видимому, она прикрывала боковую щель у стыка стены и крайней перекрывающей плиты. Следует полагать, что такая же плита, разрушенная в 1966 г., была установлена вдоль северо-восточной стены. Следовательно, можно подсчитать, что для сооружения гробницы использовано не менее 32 стел.

Одни плиты в поперечном сечении подпрямоугольные, другие — с лицевой стороны плоские, с обратной — округлые (рис. 4). Все они плоскими сторонами обращены вовнутрь гробницы, образуя ровные стены и потолок. Плиты со всех сторон, в том числе и с торцовых, тщательно обработаны и имеют равномерно сглаженную поверхность, образовавшуюся как бы в результате длительных выветриваний. Только основания у них на 10—30 см грубо оббиты, слегка заострены и зачастую имеют клиновидную форму. Важно отметить, что не только основания, но и хорошо обработанные и сглаженные части плит, образующих стены, вкопаны на 50—70 см ниже уровня пола гробницы.

Одной из интереснейших особенностей гробницы является использование при ее сооружении четырех антропоморфных стел и порядок их размещения. Они представляют собой примитивные изваяния, у которых черты лица, шея и конечности совершенно не выражены. Го-

Рис. 8. Антропоморфные стелы (плиты II, IV, 24 и 18)

ловы трех стел сделаны в виде скруглых выступов с плоскими лицами; расширяясь книзу, они плавно соединяются с непропорциональными, но четко подчеркнутыми плечами (рис. 8, 1, 2, 4); голова одной стелы — в виде миндалевидного выступа, плавно переходящего в едва намеченные непропорциональные плечи (рис. 8, 3).

Друг от друга антропоморфные стелы отличаются рядом признаков. Первая из них перекрывала гробницу сверху; она лежала второй с краю

¹⁴ Первоначально мы ошибочно считали крышу гробницы двускатной; И. М. Чеченов. Тайны Нальчикской гробницы. Газета «Кабардино-Балкарская правда» от 16 ноября 1968 г., № 299; его же. Гробница майкопского периода в Кабардино-Балкарии. АО, 1968, стр. 97.

(плита II), лицом вниз, головой на северо-запад. Стела была переломлена в нескольких местах¹⁵, но восстановлена из обломков почти полностью (к сожалению, она единственная целая) (рис. 8, 1). Примечательны ее необычайно большие размеры: длина не менее 422 см, ширина от 60 до 64, толщина от 20 до 26 см. Стела имеет грубо обработанное клиновидное основание. С плеч ее опускаются две группы желобков (по 3 параллельные линии с каждой стороны), которые плавно соединяются на груди (имитация ребер —?). Не вызывает сомнений, что до использования стелы как строительного материала для гробницы она стояла вертикально, возвышаясь над землей, судя по характеру обработки, почти на 3 м.

Вторая антропоморфная стела (плита IV) также перекрывала гробницу и лежала лицевой стороной вниз, головой на юго-восток. Книзу стела сужается, а толщина увеличивается. Она переломлена в трех местах, основание утеряно в 1966 г. (рис. 8, 2). Длина сохранившейся части — 324 см. По всем признакам длина стелы в целом виде была не менее 370—380 см. Это единственная неорнаментированная антропоморфная стела.

Весьма любопытны условия обнаружения третьей антропоморфной стелы (плита № 24). Она была установлена в стенке у северного угла гробницы вниз «головой», причем голова и частично орнамент были вкопаны ниже уровня пола. Нарезной орнамент, изображенный на ее груди, напоминает дерево с симметрично размещенными ветвями. От стелы сохранилась незначительная часть длиной 122 см при ширине 75 и толщине 21 см (рис. 8, 3).

Четвертая антропоморфная стела (плита № 18) была установлена в юго-западной стене (рис. 6). «Голова» и орнамент ее также были полностью вкопаны ниже уровня пола. Желобковый орнамент, выбитый на «лице» стелы, представляет собой комбинацию из прямых и ломаных линий и насечек (рис. 8, 4). Длина сохранившейся части стелы 151 см, ширина 44, толщина — 17 см. В продольном сечении она изогнута.

Антропоморфные стелы нальчикской гробницы пока не имеют прямых аналогий в памятниках бронзового века Закавказья и Северного Кавказа. Отдельные антропоморфные изваяния эпохи бронзы, известные на Кавказе¹⁶, не похожи на нальчикские антропоморфные стелы. Не имеют ничего общего последние и с менгирами Северо-Западного Кавказа¹⁷. Наконец, они существенно отличаются от антропоморфных изваяний раннежелезного века¹⁸ и тем более от средневековых каменных «баб» Северного Кавказа и южнорусских степей¹⁹. С какими же памятниками следует сравнивать нальчикские стелы?

К настоящему времени в Северном Причерноморье и в Крыму известно около 50 каменных антропоморфных стел эпохи ранней бронзы²⁰ (число это растет с каждым годом)²¹, которые зачастую имеют значительное

¹⁵ Верхняя часть именно этой стелы и была найдена в 1966 г.; Р. М. Мунчаев, И. М. Чеченов. Ук. соч., стр. 56—57, рис. 22.

¹⁶ А. А. Мартиросян. Город Тейшебаини (по раскопкам 1947—1958 гг.). Ереван, 1961, стр. 69—84, рис. 31—36; В. С. Сорокин. Древние идолы города Тейшебаини. ИАН АрмССР, 5, 1951, стр. 72—82; его же. Следы древнейшего поселения у Кармир-Блур. СА, 1958, 2, стр. 155—156.

¹⁷ Е. Д. Фелицын. Западно-Кавказские дольмены. МАК, IX, М., 1904, табл. XVII.

¹⁸ В. И. Маркович и Р. М. Мунчаев. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. СА, 1964, 1, стр. 158—164, рис. 1—2.

¹⁹ В. М. Сысоев. Археологические экскурсии по Закубанью. МАК, IX, стр. 164, рис. 70; Т. М. Минаева. Археологические памятники на реке Гиляч, в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951, рис. 4; Д. Я. Телегин, В. Ф. Пешанов. Стела нового типа на юге Украины. АО, 1968, стр. 316—317; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 62, 1958, стр. 207—212, рис. 28—37; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 166—193, рис. 25—29.

²⁰ А. М. Лесков. Ук. соч., стр. 6.

²¹ Н. Г. Елагина, В. Г. Петренко. Раскопки курганов на Ингульце. АО, 1968, стр. 252.

сходство с каменными изваяниями Западной Европы (Южная Франция) и Передней Азии (Алалах, Тель-Рифат)²². Подавляющая часть их, как и в нальчикской гробнице, при сооружении могил ямной и так называемой кеми-обинской культур использованы вторично или же стояли на курганах²³. Отличаясь от более совершенных и сложных причерноморских изваяний, нальчикские стелы в то же время проявляют определенную близость с наиболее примитивными из них, выделенными А. А. Щепинским в «очень архаичный» 1-й тип²⁴. В сложном эволюционном ряду классификации стел, состоящем, по А. А. Формозову, из 11 групп, они занимают от начала 2-е и 3-е места²⁵. Так, стелы ямного времени, найденные близ городов Никополя и Преслава, как и 3-я стела из нальчикской гробницы, представляют собой «отесанные плиты миндалевидных очертаний без выступа, обозначающего голову, но как бы с намеченными плечами». А плиты с выступом головы, но с неопределенными чертами лица, шеи и конечностей (Белозерка, Первомаевка № 15, Одесса, Мамайский курган, Ново-Емельяновка, Чокурча, Ново-Филипповка)²⁶, судя по описанию, явно напоминают нальчикские 1, 2 и 4-ю стелы. Кроме того, орнаменту на последних есть ближайšie аналоги в погребальных памятниках ранней бронзы Причерноморья. Так, желобковые линии на 1-й нальчикской стеле явно напоминают имитацию ребер на новочеркасской стеле, впрочем, в известной мере совпадают у них и приемы изображения головы, плеч, а также и то, что не отмечены черты лица, хотя у новочеркасской стелы выгравированы руки, пояс и посох²⁷. А на плите подкурганного каменного ящика в Крыму, как и на 3-й нальчикской стеле, выбито схематическое изображение дерева²⁸.

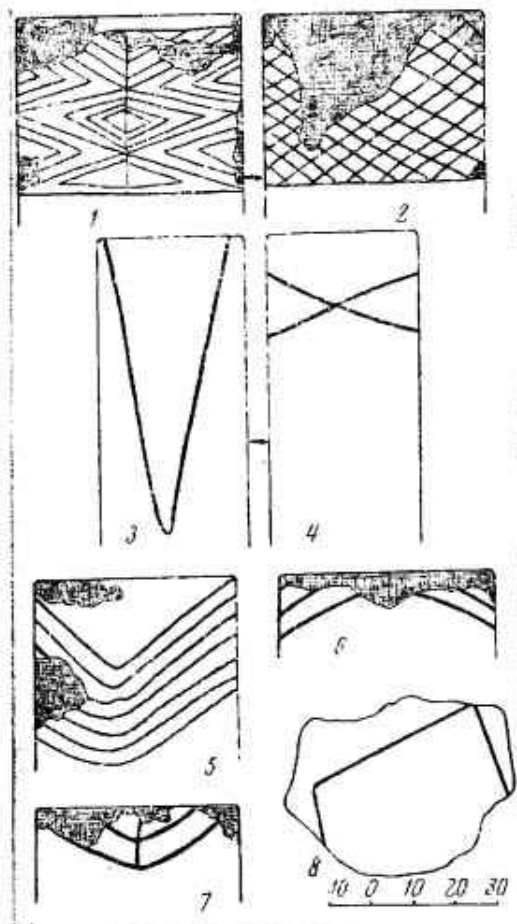

Рис. 9. Прорисовка орнамента на плитах № 5 (6), 7 (1—2), 10 (7), 11 (5) и 14 (3—4)

изображен на лицевой стороне, т. е. обращенной внутрь гробницы, а на плитах № 5, 7, 10 и 14 — на оборотной стороне (плиты № 7 и 14 имели

²² А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья. СЭ, 1965, 6, стр. 179—180; А. М. Лесков. Ук. соч., стр. 7.

²³ А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 178—179.

²⁴ А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. СА, 1958, 2, стр. 145—146.

²⁵ А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 179.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, рис. 1.

²⁸ А. М. Лесков. Ук. соч., стр. 3—4.

двусторонний орнамент). Кроме того, характер узоров на плитах № 5 и 10 (рис. 9, 6—7) создает впечатление, что верхние края их с продолжением изображений на них отбиты после нанесения орнамента. Эти детали, наряду со всем изложенным выше, лишней раз указывают, что, сооружая гробницу, ее строители мало обращали внимания на декоративные особенности плит; все стелы, как антропоморфные и орнаментированные, так и обычные, их интересовали прежде всего как удобный строительный материал, который по мере необходимости лишь слегка дообработывался.

Среди орнаментированных стел весьма интересно изображение на лицевой стороне плиты № 7 (рис. 9, 1); оно отдаленно напоминает вписанные ромбы на плитах № 18, 20 и 22 кромлеха кургана ямной культуры у с. Вербовка (Северное Причерноморье)²⁹, а частично — черно-красную роспись на стенах подкурганых ящичков так называемой кеми-обинской культуры в Крыму (селения Дуванкой, Украинка, Белогорск, Чокурча и др.)³⁰. В Крыму же известны ящички с росписью в виде ромбов в сочетании с треугольниками (с. Кояш) и просто вписанные ромбы или квадраты (г. Бахчисарай)³¹.

Орнамент из диагонально пересекающихся линий на оборотной стороне нальчикской плиты № 7 (рис. 9, 2) проявляет определенное сходство с расписными полосами «в косую клетку» на ящичке из кургана у г. Симферополя³², а также со знаками в виде решеток, выгравированных на скале у ст. Самурской в Прикубанье³³.

Косой крест на оборотной стороне плиты № 14 (рис. 9, 4) аналогичен нарезному кресту каменного ящичка из кургана у с. Баратовка (Северное Причерноморье)³⁴ и росписи на стене ящичка у с. Ново-Софиевки (Крым)³⁵.

И наконец, узоры на плитах № 5, 10, 11 и 14 в принципе просты и однотипны: это от одной до семи пар слегка вогнутых желобковых линий, наклонно направленных от граней плиты к ее середине и образующих округлые углы (рис. 9, 3, 5—7)³⁶. Прямых аналогий этим изображениям также не удалось подобрать. Но в какой-то мере они (особенно узоры на плите № 11; рис. 9, 5) напоминают отдельные детали орнамента, выбитого в камере малого Геленджикского дольмена (Северо-Западный Кавказ)³⁷, а также черные расписные полосы на каменном ящичке из кургана близ Симферополя³⁸. Впрочем, в росписи стен ящичков кеми-обинского типа наиболее характерен орнамент в виде черных и красных полос, идущих «от краев плит углами, вершины которых направлены к центру»³⁹.

Таким образом, несмотря на определенное своеобразие, узоры нальчикской гробницы (как и антропоморфные стелы) обнаруживают большее сходство (особенно по сюжету) с орнаментом погребальных памятников эпохи ранней бронзы Северного Причерноморья и Крыма, чем дольменов соседнего Северо-Западного Кавказа, хотя по технике орнаментации явно отличаются от черно-красных расписных линий на ящичках кеми-обинской культуры. И, по всей видимости, это сходство не случайное. При решении

²⁹ А. А. Формозов. Изображение на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовки. КСИА АН СССР, 5, 1955, стр. 72, рис. 3—4.

³⁰ А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму. СА, 1963 3, стр. 40, рис. 2.

³¹ Там же, стр. 40—41, рис. 4, 16.

³² Там же.

³³ В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 123, табл. XVII.

³⁴ Н. Г. Елагина, В. Г. Петренко. Ук. соч., стр. 252.

³⁵ А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму, стр. 41, рис. 4, 17.

³⁶ Еще один обломок плиты с сохранившейся частью орнамента (ромб —?) найден среди плит, разбитых экскаватором в 1966 г., см. рис. VIII, 8.

³⁷ А. Лещенко. Матеріали до орнаментики дольменів на північно-західньому Кавказі, «Антропологія», IV, Київ, 1931, стр. 244—246, рис. 4 и 7.

³⁸ А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму, стр. 40—41, рис. 3.

³⁹ Там же.

вопроса, из какого района и каким путем распространялись стелы и подобный орнамент, немаловажное значение имеет максимальное уточнение датировки нальчикской гробницы. С этой целью кратко проанализируем обряд погребения и разнообразный инвентарь, найденный в ней.

В западной части гробницы выявлены остатки двух костяков, придавленные обвалившимися сверху плитами V и VI. От них в основном сохра-

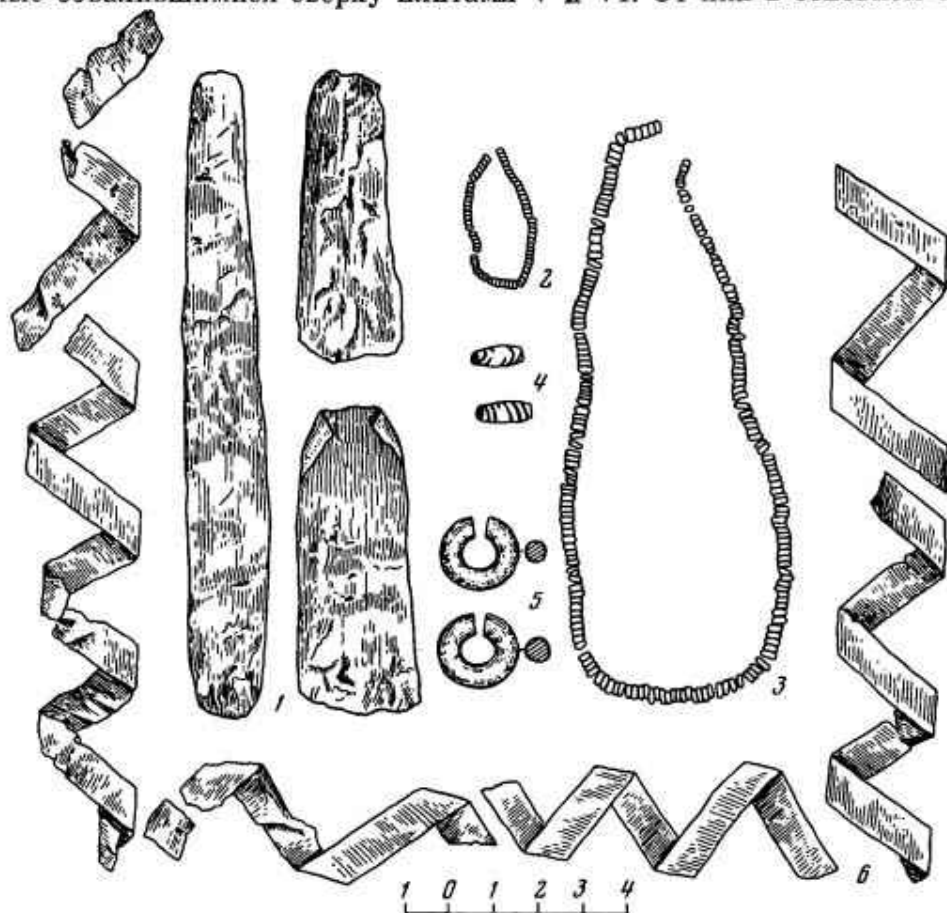

Рис. 10. Золотые вещи, найденные при втором погребенном:
1 — листовидные пластинки; 2 и 3 — мелкие бусинки; 4 — биконические бусины;
5 — височные кольца; 6 — ленты, свернутые в спираль

нился лишь тлен и определить пол погребенных не представляется возможным. Но все же прослежено, что костяки лежали близко друг к другу, в умеренно скорченном положении, головой на юго-восток (рис. 4). Они обильно окрашены, особенно в головах, красной краской. Один из погребенных, ростом не менее 170—175 см, лежал вплотную к стене, на правом боку. Кости черепа находились близ южного угла гробницы, в 35—40 см от туловища (?); положение рук не удалось определить. Вещей нет.

Второй погребенный (судя по общим очертаниям костяка и тонким обломкам костей, это была невысокая женщина или подросток, ростом не более 150—155 см) лежал на левом боку; руки согнуты в локтях. Близ костей черепа обнаружены два массивных золотых височных кольца с несмыкающимися концами (рис. 10, 5), аналогичные найденным в долине ст. Новосвободной (Прикубанье)⁴⁰, в кургане у ст. Мекенской (ЧИАССР)⁴¹, а также в Закавказье и Передней Азии⁴². Вблизи колец лежали две биконические золотые бусины с узорами в виде насечек (рис. 10, 4), также типа найденных в долине ст. Новосвободной⁴³ и ши-

⁴⁰ ОАК за 1898 г., стр. 34 и 38, табл. I, 5, IV, 43.

⁴¹ Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Ук соч., стр. 24, рис 9.

⁴² Там же, стр. 41.

⁴³ ОАК за 1898 г., стр. 34, табл. I, 11; Т. В. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, стр. 40, табл. II, 6, XX, 1—4.

роко распространенных от Средиземного моря до Индии (Сирия, Палестина, Двуречье, западная Индия)⁴⁴. У груди и запястья погребенного собраны 263 мельчайшие золотые бусинки (рис. 10, 2—3), аналогичные найденным в большом Майкопском кургане⁴⁵, а также напоминающие мелкие бусы из раскопок древнего Ура (Месопотамия) и Мохенджо-Даро (западная Индия)⁴⁶. На бедренных костях его лежали вместе три тончайшие золотые пластинки удлиненно-листовидной формы (рис. 10, 1); на поясе обнаружена тонкая фольговидная золотая лента, свернутая в спираль из пяти витков (длина в свернутом виде 8 см), и напротив этой ленты (за спиной) — конусовидный наконечник из такой же пластинки (рис. 11, 15). Не исключена возможность, что две последние находки украшали несохранившуюся деревянную трость — посох. Во всяком случае размеры и взаиморасположение их невольно напоминают погребения более позднего (кобанского) времени у с. Тли в Южной Осетии, где в нескольких случаях при костяках найдены посохи с бронзовыми наконечниками, обмотанные бронзовыми лентами⁴⁷. И в данном случае нет ничего неожиданного, если вспомнить хотя бы о посохах — «пастушьих палках», изображенных на стелах эпохи ранней бронзы в Причерноморье (Новочеркасск, Натальевка) и Южной Франции⁴⁸.

В 60 см от костей черепа погребенного, вдоль юго-восточной стены гробницы лежала спираль длиной до 50 см, также свернутая из тончайшей золотой ленты (рис. 10, 6); вторая такая же спираль длиной около 100 см обнаружена близ восточного угла. Этими лентами, очевидно, обматывались деревянные прутья. По всей центральной части гробницы собраны 63 тончайшие золотые пластинки длиной от 2 до 12 см и шириной от 0,4 до 1,7 см. Во взаиморасположении и распределении пластинок никакой закономерности не прослеживается, если не считать, что в 20—30 см к северо-востоку от второго погребенного их найдено особенно много. Возможно, что пластинки украшали матерчатую основу какого-то шатрообразного сооружения, которая поддерживалась де-

Рис. 11

1, 2 — наконечники стрел; 3, 4, 6 и 7 — ножевидные пластинки; 8 — скребок; 9—11 и 12 — шилья; 10 — пластинчатая обкладка ручки шила; 13 и 14 — стрелы; 15 — конусовидный наконечник; 16 — пластинчатая обкладка ножен; 17 — двулезвийный ножик; 18 — проколка (1 — обсидиан; 2—8 — кремь; 9А, 11А, 12 — медь; 9Б, 10, 11Б, 13, 14А, 15, 16, 17А — золото; 14Б, 18 — кость)

⁴⁴ Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, 1964, 1, стр. 39; Т. Б. Попова, Ук. соч., стр. 40, табл. XX, 8—10; Г. Чайльд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 277.

⁴⁵ Хранятся в Гос. Эрмитаже, ОАК за 1897 г., стр. 4.

⁴⁶ Г. Чайльд. Ук. соч., стр. 246 и 277, табл. XXVI, в, XXXI, а.

⁴⁷ Пользуюсь случаем поблагодарить Б. В. Техова, ознакомившего меня с фотографиями погребений с посохами.

⁴⁸ А. А. Формозов. Образ человека в памятниках первобытного искусства с территории СССР. ВИМК, 6, 1961, стр. 111; его же. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 180—181.

ревянными прутьями, обмотанными отмеченными выше золотыми лентами. Напомним, что на полу погребальных камер Майкопского кургана также «попадались тонкие полоски серебра», а над основным погребением был возведен шатер, поддерживаемый шестью серебряными трубками⁴⁹.

К северо-востоку от погребенных обнаружена золотая пластинчатая обкладка ножен (рис. 11, 16), два отполированных обломка кабаньего клыка и костяная проколка из стенки трубчатой кости (рис. 11, 18). Последняя аналогична проколкам из поселений Мешоко, Хаджох III, Луговое, Каякентское и др.⁵⁰ Большой интерес представляет найденный здесь же обломок круглой в сечении костяной стрелы с втульчатым наконечником из тонкой золотой пластинки; еще один такой же наконечник с костяным обломком внутри лежал в 95 см к востоку от второго погребенного (рис. 11, 13, 14). Прямые аналогии этим стрелам нам неизвестны.

Вблизи северо-западной стены гробницы найдены обломки плоского двулезвийного ножа — кинжала с тупым округлым концом клинка (рис. 11, 17), изготовленного из какого-то сплава серого цвета (высоконикелевая бронза?), а юго-восточнее него — массивный медный кинжал с продольным ребром посередине; кончик клинка последнего был раздроблен свалившейся перекрывающей плитой (рис. 2, 3). Лезвия обоих клинков почти параллельны, оба черенковые, перекрестия их окольцованы золотыми пластинками. Первый из них определенно близок малым ножам-кинжалам без продольных ребер, найденным в курганах у с. Бамут⁵¹, хутора Новый Аршти⁵², станиц Костромской и Новосвободной⁵³, а также во впускном погребении большого Майкопского кургана⁵⁴. Что касается медного кинжала из гробницы, то близких аналогий ему в кавказских комплексах ранне-бронзового века нам не удалось подобрать; по форме, размерам, а также по четко выраженному продольному ребру он в какой-то степени напоминает кинжалы переднеазиатского типа досаргоновского периода (Ур, Библ, Сялк, Хиссар)⁵⁵.

В восточном углу гробницы лежали два медных четырехгранных шила. Ручки их были обложены золотыми пластинками (по две пластинки на каждом черенке шила), на которые сверху накладывались пластинки меньшего размера из светло-серого сплава, прикрепляемые к деревянной основе миниатюрными гвоздиками из такого же сплава (рис. 11, 9—11). Третье четырехгранное шило (рис. 11, 12) почему-то лежало вне гробницы, напротив первых двух шильев, на вымостке из гальки. Четырехгранные шилья в комплексах эпохи бронзы Кавказа и Крыма, как известно, составляют наиболее распространенный тип⁵⁶. И хотя периодизация их весьма затруднительна, А. А. Иессен все же отмечал меньшую удлиненность форм

⁴⁹ ОАК за 1897 г., стр. 4—6, 10.

⁵⁰ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 112, рис. 55, 6—10; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа, стр. 62—64, рис. 14—15.

⁵¹ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 194—195, рис. 11, 2.

⁵² Р. М. Мунчаев, В. И. Сарьянди. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г. КСИА АН СССР, 106, 1966, стр. 78, рис. 33, 6.

⁵³ ОАК за 1897 г., стр. 34, табл. II, 25—28; Т. Б. Попова, Ук. соч., стр. 33, табл. X, 2, 4—8.

⁵⁴ См. А. А. Иессен. К хронологии «больших Кубанских курганов», СА. XII, 1950, стр. 165, 172, табл. III, 3.

⁵⁵ Г. Чайльд. Ук. соч., стр. 243, 293, 334, табл. XXI, а, XXIX.

⁵⁶ Т. Б. Попова. Ук. соч., стр. 34, табл. VIII, 6—10; А. Д. Столяр. Мешокопоселение майкопской культуры, «Сборник материалов по археологии Адыгеи», II. Майкоп, 1961, стр. 80, рис. 6, 2; Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 194, рис. 11, 3; Р. М. Мунчаев, В. И. Сарьянди. Ук. соч., стр. 75, рис. 33, 5; его же. Бамутские курганы эпохи бронзы. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 99, рис. 27, 13; Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нариманов. О древнейшей металлургии Кавказа. СА, 1968, 4, стр. 21, рис. 5, 3—5; А. А. Щепицкий. Культура энеолита и бронзы в Крыму. СА, 1966, 2, стр. 12, 18, рис. 3, 22—23, рис. 7, 8.

пильев майкопского периода (каковыми являются и нальчикские экземпляры), чем найденных в «среднекубанских» курганах⁵⁷.

Близ северного угла гробницы прослежены четкие отпечатки и остатки пиновки, на которой до 1966 г. стоял упомянутый медный котел (рис. 2, 1), а также найдены обломки красноглиняного сосуда, извлеченного тогда же. Здесь же в беспорядке лежали фрагменты какого-то предмета из листовой меди (миска — ?) и сдвинутые с мест медные вещи — плоское тесло (рис. 2, 6), круглое желобчатое долото с четырехгранной насадкой (рис. 2, 2) и массивный проушный топор весьма архаичной формы; округлая втулка и обух с продольным гребнем у топора почти параллельны его хорошо прокованному лезвию (рис. 2, 4). В 1,5 м к югу от последнего найден второй топор, меньшего размера, но также довольно массивный; его обух с продольным гребнем и втулка расположены под небольшим углом к совершенно непроработанному лезвию. Втулка второго топора была прикрыта золотой пластинкой сферической формы, а место соединения с топорищем окольцовано также золотой пластинкой (рис. 2, 5).

Разновидности древнейших медных плоских тесел, желобчатых долот и проушных топоров найдены на огромной территории — в Передней Азии, в Закавказье, в бассейнах Дуная, Дона и Волги⁵⁸. Ближайшие же аналогии нальчикским экземплярам имеются в комплексах новосвободненского этапа майкопской культуры (Новосвободненская, Воздвиженская, Костромская, Махошевская, Андриюковская, Бамут и др.)⁵⁹.

К юго-востоку от места расположения медного котла в гробнице обнаружены обсидиановый наконечник стрелы с выемчатым основанием и с пильчатой ретушью (рис. 10, 1), кремневый наконечник дротика (рис. 11, 2), четыре кремневые ножевидные пластины (рис. 11, 3—4, 6—7) и обломок точила или ложила. Несколько скребков и отщепов и одна кремневая проколка (рис. 11, 5 и 8) найдены близ северо-западной стены и в средней части гробницы. Все отмеченные кремневые предметы, как и обсидиановый наконечник стрелы, имеют многочисленные аналогии в комплексах майкопской культуры⁶⁰.

Таким образом, как по погребальному обряду (мегалитическое сооружение в периферии кургана, окрашенность стен красной краской, булыжная забутовка вокруг гробницы и т. д.), так и по инвентарю нальчикская гробница наибольшее сходство имеет с дольменами ст. Новосвободной. И хотя от последних она отличается некоторыми существенными конструктивными особенностями (например, отсутствием перегородки и отверстия — лаза), в чем, возможно, проявляются центральнокавказские локальные особенности, все же ее следует причислить к кругу погребальных памятников новосвободненского этапа майкопской культуры, датируемых по последней периодизации А. А. Иессена 2300—2100 гг. до н. э.⁶¹ Причем

⁵⁷ А. А. Иессен. Ук соч., стр. 173.

⁵⁸ Г. Чайльд. Ук соч., рис. 30, 83, 88, 99, 104; Т. Б. Попова. Ук соч., стр. 29—31; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 136—139, 141—143; Ф. А. Махмудов, Р. М. Мунчаев, И. Г. Нарманов. Ук соч., стр. 21—22, рис. 5, 1, 2; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, 1941, стр. 12, рис. 10а; Н. Я. Мерперт, К. Ф. Смирнов. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС. КСИА АН СССР, 84, 1961, стр. 5, рис. 1, 2.

⁵⁹ ОАК за 1897 г., стр. 16, рис. 59—60; ОАК за 1898 г., стр. 34—35, 37—38, табл. I, 12—14, II, 23, III, 35—40, IV, 51—53; А. И. Иессен. Ук соч., стр. 171—173, табл. II, 1—2, 6; Т. Б. Попова. Ук соч., стр. 28—31, 34, табл. VIII, 1—5, IX, XVII, 32—3, IX, XVII, 2—3, XIX, 4—5, XXI, 2—4; Р. М. Мунчаев, В. И. Сариниди. Бамутские курганы эпохи бронзы, стр. 96, рис. 27, 55.

⁶⁰ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 110, рис. 54, 1—8; А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, 3, стр. 109—112, рис. 63; А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Ук соч., стр. 174—181, рис. 22; Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 179, рис. 1.

⁶¹ Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность, стр. 38.

вполне допустимо, что гробница сооружена в самом начале этого этапа, поскольку в ней прослеживается ряд признаков, не характерных для дольменов ст. Новосвободной, но отмеченных в большом Майкопском кургане, а именно: юго-западная ориентировка погребальных камер, коллективное погребение, цинковка под медными предметами, выложенные галечником полы, архаичность форм некоторых предметов, полное отсутствие жемчужного орнамента на находках, наличие пластинок из золота или серебра и т. д.

Несомненно, что стелы, использованные для сооружения нальчикской гробницы вторично, бытовали еще раньше. В то же время вряд ли они древнее ранних погребений известного Нальчикского могильника, в свою очередь синхронного Майкопскому кургану⁶². Ведь Нальчикский могильник, расположенный вблизи гробницы, — памятник самой начальной стадии знакомства с металлом на Центральном Кавказе. А характер обработки стел неоспоримо свидетельствует об интенсивном использовании эффективных металлических орудий труда с довольно высоким коэффициентом полезного действия. Иными словами, время изготовления нальчикских стел хронологически вклинивается между майкопским и новосвободненским этапами и определяется в пределах 2400—2200 гг. до н. э.

Выше отмечалось, что, не имея прямых аналогий на Кавказе, антропоморфные стелы и орнамент на стелах Нальчикской гробницы проявляют наибольшее сходство с соответствующими памятниками Причерноморья. И в этом нет ничего неожиданного, если вспомнить о контактах и взаимовлияниях носителей ямной культуры и племен Северного Кавказа⁶³. Следует полагать, что эти связи и даже инфильтрация носителей ямной культуры на юг не ограничивались степным Предкавказьем и Прикубаньем, но охватывали и центральную часть Кавказа. Иначе трудно объяснить происхождение некоторых предметов⁶⁴ и особенно обряд погребения в отдельных курганах Центрального Кавказа, чуждый для местных племен и характерный для ямной культуры. Здесь мы имеем в виду захоронения на спине, с согнутыми в коленях ногами, найденные в подкурганых ямах у ст. Суворовской близ г. Ессентуки⁶⁵, с. Верхний Акбаш в КБАССР⁶⁶, у хутора Новый Аршти⁶⁷ и с. Бамут⁶⁸ в ЧИАССР. В этой связи хочется обратить внимание также на ряд ранних погребений Нальчикского могильника (кстати, синхронного древнейшим памятникам) с захоронениями на спине, с согнутыми в коленях ногами (погр. № 7, 29, 36, 38, 79, 84, 86, 99, 105, 117 и 120)⁶⁹. Следует напомнить, что среди всех отмеченных погребений Центрального Кавказа преобладает восточная ориентировка с отклонениями на север и реже на юг, что свойственно и для подавляющего большинства древнейших могил. Думается, что это сходство в погребальном обряде не случайное явление, как не случайно и сходство антропо-

⁶² А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 146—147.

⁶³ Там же, стр. 139—143; Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 41—42; А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, 2, стр. 43—44; И. В. Спицын. Раскопки в долине восточного Маньча. АО, 1967, М., 1968, стр. 69—70.

⁶⁴ Например, круглодонный сосуд и костяная проколка типа ямной культуры из курганов у ст. Усть-Джегутинской в КЧАО; см. Р. М. Мунчаев, А. Л. Нечитайло. Ук. соч., стр. 148, 150.

⁶⁵ А. А. Нечитайло. Раскопки курганов у ст. Суворовская. АО, 1966, М., 1967, стр. 69.

⁶⁶ Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 году. Уч. зап. КНИИ, V, Нальчик, 1950, стр. 210—212, рис. 15.

⁶⁷ Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, стр. 188—189.

⁶⁸ Р. М. Мунчаев, В. И. Сарпаниди. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г., стр. 180.

⁶⁹ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий, Могильник в г. Нальчике, стр. 70—94.

морфных стел и орнамента на стелах Нальчикской гробницы с погребальными памятниками Северного Причерноморья и Крыма.

Нальчикскую гробницу, как отмечалось, с некоторыми оговорками можно причислить к дольменообразным (мегалитическим) сооружениям новосвободненского типа. И тот факт, что антропоморфные и орнаментированные плиты были установлены вниз головой, а все стелы были использованы исключительно как строительный материал, указывает, что для носителей культуры, первоначально изготовивших нальчикские стелы, последующие строители самой гробницы явились носителями иной, и, по-видимому, чуждой (новосвободненской?) культуры. Этому соответствует и тот факт, что для Северо-Западного Кавказа, где зарегистрировано около 1700 дольменов⁷⁰, антропоморфные стелы не характерны. И, наоборот, стелы распространены там, где нет настоящих дольменов (т. е. в Северном Причерноморье и Крыму)⁷¹. В свете этого наглядного факта нам непонятна попытка А. М. Лескова (вслед за А. Хойслером и др.) безоговорочно связывать антропоморфные стелы «с мегалитическими постройками и в первую очередь с дольменами»⁷². Мы не беремся судить, насколько правомерно такое суждение относительно Передней Азии и Западной Европы, но что касается Причерноморья нашей страны, то ни генетической, ни территориальной связи антропоморфных стел с дольменами не прослеживается. Ведь при наличии этой связи наибольшее количество стел было бы найдено в зоне наиболее интенсивного распространения дольменов, т. е. на Северо-Западном Кавказе; а их, как указывалось, там нет. Поэтому стремление связывать появление стел в Крыму, а затем и на Северном Причерноморье под влиянием дольменной культуры Северо-Западного Кавказа⁷³ является недоразумением.

При решении вопроса, откуда распространилось умение воспроизводить в камне монументальный человеческий образ, пока мало оснований, которые могли бы заставить «нас склониться к признанию воздействия запада на Причерноморье», ибо факт распространения стел «на очень узкой приморской полосе»⁷⁴, приводимый А. А. Формозовым как аргумент для обоснования этой мысли, мало о чем говорит. Да и сам тезис о том, что стелы распространены только «на очень узкой приморской полосе», после обнаружения таковых в г. Нальчике (т. е. в 400 км от моря) требует уточнения.

Учитывая, что стелы распространены не по всему ареалу раннебронзовых культур Причерноморья и Северного Кавказа и что подавляющая часть их найдена во вторичном использовании, следует полагать, что они не являются генетически неотъемлемой частью ни ямной, ни так называемой кеми-обинской, ни дольменной, ни майкопской культур. Вероятнее всего, речь может идти лишь о путях их распространения на территорию нашей страны.

Думается, что нальчикские стелы представляют важнейший источник для установления путей, связывающих Юго-Восточную Европу с цивилизациями древнего Востока и через центральную часть Кавказа, а не только

⁷⁰ Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, Сухуми, 1960, стр. 103; В. И. Маркович. Исследование кавказских дольменов. АО, 1968, стр. 101.

⁷¹ На Северном Кавказе наиболее восточной границей распространения дольменов является район Пятигорья; Д. Я. Самоковасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 22—23; Л. И. Лавров. Ук. соч., стр. 101—164; поэтому вызывает недоумение существующее мнение о том, что дольмены «начиная почти от Осетии... тянутся группами на запад...»; Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, стр. 64.

⁷² А. М. Лесков. Ук. соч., стр. 6—7. А. М. Лесков необоснованно приписывает А. А. Формозову эту же мысль, но, насколько нам известно, А. А. Формозов никогда не связывал антропоморфные стелы с дольменами.

⁷³ А. М. Лесков. Ук. соч.

⁷⁴ А. А. Формозов. О древнейших антропоморфных стелах..., стр. 181.

по приморской полосе. Напомним, что Дарьяльский проход также был освоен с древнейших времен.

Следует надеяться, что более интенсивные археологические изыскания в Центральном Кавказе будут значительно способствовать освещению этого сложного, но интересного вопроса.

I. M. Tchétchénov

UN TOMBEAU DE L'AGE DU BRONZE ANCIEN
DANS LA VILLE DE NALTCHIK

Résumé

A Naltchik on a découvert sous un tumulus un tombeau monumental se rapportant à la deuxième moitié du III-e millénaire avant notre ère, constitué de stèles, de dalles de tuf utilisées une seconde fois. Toutes les stèles sont minutieusement travaillées; certaines d'entre elles sont anthropomorphes ou ornées de rainures. Elles ont une grande affinité avec les sculptures de pierre provenant du Sud de l'Ukraine et de l'Europe occidentale. Au fond du tombeau pavé de cailloux on a trouvé deux squelettes ainsi qu'une grande quantité d'objets d'or, de cuivre, de silicium et d'os. Les murs du tombeau, les os des personnes ensevelies et une partie des objets sont abondamment teints en rouge. D'après les particularités de construction ce tombeau est unique en son genre pour le Sud de notre pays. Mais le mode de sépulture et ses éléments ont plusieurs traits communs avec les ensembles les plus anciens de la période dite novosvobodnensky de la culture de Maïkop.

Les matériaux du tombeau et notamment ses particularités de construction pris en rapport avec les données concernant les autres monuments de la même époque donnent lieu d'affirmer que les stèles anthropomorphes du type Naltchik ne peuvent être rapportées à aucune culture actuellement connue de l'Age du Bronze ancien du Caucase ou même du Sud de la partie européenne de notre pays.